

ДВАЖДЫ ДВА
ИЛИ ЧЕТЫРЕ ПОРАЖЕНИЯ БАЗАРОВА
По роману Тургенева *Отцы и дети*

Валерий Лепяхин

(Lepahin Valerij, Szeged)

*Важно то, что дважды два
четыре, а остальное все пустяки.
(Отцы и дети)*

*Дважды два четыре есть уже не
жизнь, господа, а начало смерти.
(Записки из подполья)*

Известно, что роман Тургенева *Отцы и дети* вызвал не просто неоднозначную реакцию в литературной критике, но буквально разделил общество на две части: одни посчитали роман клеветой на молодое поколение, другие упрекали Тургенева за то, что он возвел Базарова на пьедестал.¹ Что же именно хотел показать в своем романе писатель: сильного человека, уверенного в правоте своих идей и убеждений, который лишь из-за случайной смерти не воплотил их в жизнь, или победу разрушительных идей над человеком, исповедующим их?

1. Что конкретно отрицает нигилист Базаров? Начнем с культуры. Цитировать высказывания главного героя на эту тему можно едва ли не бесконечно: *Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта* (28); *Рафаэль гроша медного не стоит* (52); *Аркадий не говори красиво* (122); *Я нахожу, что говорить красиво – неприлично* (122);² *Как можно в его возрасте Пушкина читать. Дай ему что-нибудь дельное почитать* (43) или *В срок четыре года человек [...] играет на виолончели!* (45) Два последних высказывания сделаны Базаровым в адрес Николая Петровича с неодобрением и хохотом. Некоторые из этих фраз главного героя романа стали крылатыми. Базаров демонстративно отрицает поэзию, музыку, всякое искусство и культуру. Николай Петрович осознал *впервые ясно свое разъединение с сыном* (54) именно на этой почве. Его поражает не столько напускное пренебре-

¹ О полемике вокруг романа см. подробно: Hetesi I. *Turgenyev. A hősök és a „randevű” az írói pályá első felében*. Вр., 1990. 264–271.

² Когда Аркадий понял, что любит Катю, он с удовольствием думает: *Вот эта не упрекает меня за то, что я красиво выражаюсь*. (Там же. 155.) Из этой фразы можно понять, что дело здесь не столько в красоте, сколько в праве личности на свой способ говорить, на свою манеру выражать мысли, в праве на поэзию и на поэтизацию жизни.

жение к родителям и старшим, к их убеждениям, к ценностям, которыми они живут, и не нигилизм в целом, а именно отрицание поэзии, красоты: *Но отвергать поэзию? – подумал он опять, – не сочувствовать искусству, природе?..* (54) Это было выше его понимания, и именно здесь пролегла вначале трещина между отцом и сыном.

И теперь спросим себя: так ли уж Базаров далек от поэзии? Приближающаяся смерть или смерть близких людей, как известно, нередко многое меняет в отношении человека к жизни и к поэзии жизни. Тургенев сознательно, намеренно заставил смертельно больного Базарова в конце романа произнести следующую фразу, обращенную к Одинцовой: *Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет* (182–183). Если бы в этот момент присутствовал Аркадий, он мог бы с полным правом сказать: *Евгений, не говори красиво!* (182–183) Несомненно, в силу своего воспитания и душевного такта он бы этого не сказал. Но предсмертную фразу о лампаде можно считать одним из поражений Базарова. Не хронологически, а по сути.

2. Другое, что открыто отрицает нигилист Базаров, – семейные узы, брак, любовь, точнее, он сводит последнюю к ощущению и физиологическому акту. Здесь опять проще всего процитировать самого героя, хотя его высказывания до сих пор у всех на слуху: *человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви [...] – не мужчина, не самец* (34); *и что это за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения* (34); *ты придаешь еще значение браку, я этого от тебя не ожидал* (42) – Базаров Аркадию; *экое богатое тело [...] хоть сейчас в анатомический театр [...] первый сорт* (75); *баба с мозгом* (75); *тертый калач* (75) – Базаров об Одинцовой, *это все романтизм, чепуха, гниль, искусство* (34),³ *любовь [...] ведь это чувство напускное* (162); *любовь – форма* (182) – Базаров о любви. Но и на этой почве Базаров потерпел поражение: он влюбился. Это чувство «мучило и бесило» героя. Тургенев отмечает, что Базаров *был великий охотник до женщин и до женской красоты* (87). Он отрицал любовь только идеальную, романтическую. Рассуждения об анатомии и физиологии, коробившие Аркадия, прятали победившее Базарова чувство сильнейшей любви к Одинцовой, причем, как можно понять по контексту, – с первого взгляда, что характерно для натуры Базарова. Тургенев неоднократно указывает на внезапно проявившуюся *слабость* своего героя. Базаров *с тайным удивлением* заметил, что *skonфyзился*, когда Аркадий знакомил его с Одинцовой; Базаров говорит себе: *Вот те раз! бабы испугался!* (72); при расставании с Одинцовой Аркадий заметил, что *приятель его покраснел* (74); *какой я смиренный стал* (77) – думает о себе Базаров. Герой всю жизнь подтрунивал над романтической, идеальной

³ Кстати, философию Базаров считает тоже «романтизмом». (Там же. 49.)

любовью, называя ее *белибердой и непростительной дурью*, но рядом с Одинцовой он *с негодованием сознавал романтика в самом себе* (87). И Базаров признается в любви: *Я люблю Вас глупо, безумно...* (98) Эту любовь и сам Базаров воспринимает, как свое поражение: он сам себя не понимал, он думал, что на его сердце броня, а оказался беззащитен перед первой красивой и умной женщиной, встретившейся на его пути.⁴ Поэтому его любовь, как характеризует ее Тургенев, – *тяжелая страсть, похожая на злобу* (98).⁵ Наконец, перед смертью он захотел увидеть именно Одинцову, а не кого-нибудь из своих единомышленников-нигилистов. И в разговоре с ней уже в предсмертном состоянии еще раз признается в любви: *Я любил вас!* (182)

Характерно и объяснение Базарова с Одинцовой. Герой становится в позу психолога-эксперта и объясняет Одинцовой, в чем ее «несчастье»: *Вам хочется полюбить, а полюбить вы не можете...* (93) И далее Базаров объясняет собеседнице, что она придает себе слишком большую цену, дорожит собой и не умеет отдаться, не размышляя (93). Базаров даже не чувствует двусмысленности своей проповеди: во-первых, как раз он-то и не умеет отдаться другому человеку, а во-вторых, он забывает, что говорит это женщине, которую он любит, которая равнодушна к нему. Поэтому не только объяснение в любви, но и эту «проповедь» Базарова об умении или неумении отдаться надо отнести к его поражениям.

А как расценить поцелуй, который Базаров силой срывает с Фенечкиных губ (139). Казалось бы, это один из малозначительных эпизодов романа, в котором сказалось физиологическое понимание героем любви, но надо вспомнить, что это происходит в доме Николая Петровича, где Базаров является гостем, и после того, как Базаров признался в любви Одинцовой. Поэтому данный эпизод скорее надо трактовать как попытку реванша: Базаров получил мягкий отпор со стороны Одинцовой, и вот теперь бессмысленно мстит: и женщинам вообще, и конкретно Одинцовой, а также Фенечке, пользующейся всеобщей любовью. Он мстит также и Николаю Петровичу, и Павлу Петровичу, ведь последний также любит Фенечку, как об этом догадывается Базаров. Итак, на этом фронте Базаров терпит двойное поражение: как в отрицании любви, так и в своей любви к конкретной женщине.

3. Базаров демонстративно отрицает нравственные принципы и нормы поведения. Можно привести много примеров высказываний Базарова на этот счет. Аркадий говорит: *Надо быть справедливым*, а Базаров парирует: *Из чего это следует* (29), перенося методы естественных наук в нравствен-

⁴ И хорохорится Базаров также именно потому, что чувствует свое поражение: *Лучше камни бить на мостовой, чем позволить женщине владеть хотя бы кончиком пальца.* (Там же. 104.); *я самоломанный, бабенка меня не ломает.* (Там же. 119.)

⁵ Такой тяжелой страстной любовью-ненавистью любил Настасью Филипповну Парфен Рогожин у Достоевского.

ную сферу. *Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки* (43) – наставляет он Аркадия,⁶ а Павлу Петровичу заявляет: *Принципов вообще нет, есть только ощущения* (121). Естественным образом здесь возникает вопрос: *А нигилизм? Разве это не принцип?* (121) И Базаров дает несколько ответов на этот вопрос. Первый – носит парадоксальный характер: нигилизм это тоже ощущение: *Мне приятно отрицать, и basta* (121). Второй ответ – другого рода: *Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным [...] В теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем* (49).⁷ В споре с Павлом Петровичем Базаров словно не замечает, что как минимум два принципа он открыто признает – это отрицание и утилитаризм. То же самое можно сказать и об авторитетах: Базаров и его ученики отрицают авторитеты, но, по крайней мере, один они признают: это авторитет естественных наук. Мало того, в разговоре с Павлом Петровичем Базаров проговаривается: «наши» учителя – немецкие ученые-естествоиспытатели.

У Базарова подчеркнуто «научное» отношение к человеку. Мальчику в Марьине он говорит: *Мы с тобой те же лягушки, только что на ногах ходим* (22). Иногда его высказывания о человеке неоправданно резки: *Какую клевету ни возведи на человека, он заслуживает в двадцать раз хуже* (121). Конечно, Базаров не снисходит до того, чтобы объяснить, почему он так думает. Схожим образом Базаров относится и к такому фундаментальному понятию для гуманитарных наук как личность. Одинцовой он говорит: *Изучать отдельные личности не стоит труда [...] Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди что деревья в лесу, ни один ботаник не станет заниматься каждою отдельною березой* (78–79).⁸ Надо иметь в виду, что высказывания Базарова носят откровенно полемический характер, они сознательно направлены на то, чтобы шокировать собеседницу своей новизной, оригинальностью и отрицательным направ-

⁶ Вероятно, именно на это утверждение Базарова через три года счел нужным возразить Достоевский устами подпольного человека: *Дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти...* (Ф. М. Достоевский. *Собрание сочинений в 10 т.* М., 1958. т. 4. 160.)

⁷ В одном из разговоров с Аркадием Базаров объясняет другу-ученику, что такое *противоположное общее место*. Например, сказать, что просвещение полезно есть общее место, а сказать, что оно вредно есть противоположное общее место, а в сущности, поучает Базаров, это одно и то же. (Там же. 120.) Совершенно невероятно было бы предположить, что Тургенев сказал это мимоходом, не придавая рассуждению своего героя принципиального значения. Ведь нигилизм и есть это самое *противоположное общее место*. Только Базаров этого как бы не замечает.

⁸ Конечно, в романе звучит и противоположная точка зрения относительно личности и принципов. В уста Павла Петровича Тургенев вкладывает следующие высказывания: *Личность [...] – вот главное; человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится.* (Там же. 48.); *Без принципов жить в наше время могут одни безнравственные или пустые люди.* (Там же.)

лением, но герой ни разу от них не отказался. Вместе с тем «живая жизнь» (выражение Достоевского) опровергает большинство его убеждений.

Но все же у Базарова есть представления о сильной личности, к каковым он относит и себя: *Настоящий человек тот, о котором думать нечего, а которого надобно слушаться или ненавидеть* (120). Но этого мало. Базаров утверждает, что он лично многих ненавидит⁹ и приводит пример: ты сказал, обращается он к Аркадию, что мы должны способствовать тому, чтобы у всех мужиков была такая белая изба, как у старосты Филиппа, а я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет [...] Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет... (120–121)¹⁰

Всех людей Базаров делит на богов и олухов.¹¹ К олухам он относит Ситникова, Кукушину,¹² а к богам – себя.¹³ Аркадий не без удивления открывает для себя эту, как он выражается, *бездонную пропасть базаровского самолюбия* (102). Аркадий считает Базарова своим учителем, а потому и не видит или не хочет видеть более глубокие корни этого самолюбия, а ведь на них указал Павел Петрович: *Сперва гордость почти сатанинская, потом глумление* (52). Гордость свою Базаров не скрывает, а вот глумление мало кто замечает в Базарове, однако, его отношение к некоторым персонажам и к людям в целом носит явные черты глумления, насмешки и издевательства.

Аркадий считает себя не только учеником, но и другом Базарова. Естественно, что тот отрицает дружбу, но вместе с тем с заметной симпатией относится к Аркадию. Но способен ли Базаров к дружбе? Ссора между

⁹ Здесь следует видеть сознательное отрицание заповеди Божией о любви к ближнему, на место которой Базаров ставит ненависть. При этом герой не только «многих» ненавидит сам, но он согласен и принимать ненависть к себе, поскольку это свидетельствует, по его мнению, о сильном характере ненавидимого человека.

¹⁰ Эта известная фраза Базарова упоминается в романе Достоевского *Братья Карамазовы. аловверная дама* в одноименной главе говорит: *Ну что, думаю, я всю жизнь верила – умру, и вдруг ничего нет, и только «вырастет лопух на могиле», как прочитала я у одного писателя.* (Ф. М. Достоевский. 1958. т. 9. 73.) У Достоевского этот эпизод заключен в христианский контекст. *Дама* сомневается и хочет укрепиться в вере. Широко известен и ответ, который она получает от старца Зосимы: доказать здесь ничего нельзя, но можно убедиться опытом деятельной любви. В этом смысле Базаров является противоположностью не только Зосиме (любовь – ненависть), но и маловерной даме (укрепление в вере – отрицание веры).

¹¹ См. И. С. Тургенев. Позже у Достоевского Раскольников также делит людей на две неравные части: «наполеон» или «вошь», правда, он ставит эксперимент на себе, а Базарову надо «других ломать» (Там же. 169.), и Раскольникова опровергает совесть и сама жизнь, а Базарова – смерть.

¹² К «олухам» Базаров относит и Аркадия: *Ты Аркадий – размазня.* (Там же. 120.)

¹³ Мотив Базарова-бога нельзя считать случайным, он несколько раз повторяется в романе. И его отец Василий Иванович, конечно, в переносном смысле, говорит Аркадию: *Я [...] бо-готворю моего сына.* (Там же. 116.)

«друзьями», как их называет Тургенев, показала, что Базарову дружба не нужна, главное для него – доминировать в отношениях с людьми. Причем в беспричинной ссоре с Аркадием Базаров проявил такую «зловещую» и «нешуточную» злобу, что Аркадий испугался. Отец Базарова появился вовремя. И чтобы у читателя не оставалось сомнений, что это была действительная угроза для Аркадия, Тургенев заставляет своего героя произнести: *Жаль, что (отец – В. Л.) помешал* (123). И в конце романа Базаров без сожаления расстается с Аркадием, даже с иронией хвалит приятеля: *Ты поступил умно; для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан. В тебе нет ни дерзости, ни злости [...] А мы драться хотим [...] Тебе приятно самого себя бранить; а нам скучно – нам других подавай! нам других ломать надо!* (160) А когда Аркадий говорит, что Базаров хочет расстаться с ним, тот констатирует: *Мне сдается, что ты уже расстался со мною* (160). Немалую роль в охлаждении Базарова к Аркадию сыграла и Катя. И дело не только в том, что Аркадий влюбился, ведь в этом «согрешил» и сам Базаров, но в том влиянии, которое Катя начала оказывать на Аркадия. Это был сильный удар по самолюбию Базарова. Как ни странно, но мнения Кати и Базарова относительно «профнепригодности» Аркадия для базаровского дела совпадают. Катя говорит своему возлюбленному: *Вы ему (Базарову – В. Л.) чужой [...] Он хищный, а мы с вами ручные* (156). Поэтому любые проявления нигилизма у Аркадия Катя с легкостью отменяет как *старые следы [...] сатирического направления* (155).

И здесь можно перейти ко взглядам Базарова на общество и народ. Главная идея Базарова не оригинальна: в этом состоят убеждения всех утопистов, социалистов, революционеров. Базаров уверяет: *Исправьте общество и болезней (социальных – В. Л.) не будет* (79).¹⁴ Это заблуждение характерно для всех социальных реформаторов, а воплощение этих идей в жизнь принесло людям неисчислимые бедствия. Но сам такой взгляд логически вытекает из представлений Базарова о человеке, о личности. Если люди «лягушки» и изучать отдельную личность не стоит труда то, естественно, одно и то же устройство общества подходит всем людям. За исключением «богов». Они как раз и занимаются переделкой человека и государства по гео-

¹⁴ Такое суждение Тургенев, естественно, опровергал. (См. И. С. Тургенев. 1983. т. 11. 87–88.) Все пассажи, связанные с именем и поэзией Пушкина, также восходят к статьям Добролюбова. (См. 437, 459.) Надо заметить, что памфлетом можно назвать лишь такое произведение, в котором утрируются идеи прототипа, пародируются или высмеиваются какие-либо высказывания объекта памфлета, но Тургенев довольно точно передает слова и мысли Чернышевского, Добролюбова, отчасти Писарева. Другое дело, что в устах Базарова они зазвучали не так безобидно, как в статьях известных критиков: там они потерялись в общем задиристом контексте. Отметим также, что через полвека после Базарова опять именно Пушкина футуристы хотели сбросить с корабля современности.

рии, которую придумали для остальных. Не личность на первом месте, но абстрактно «справедливое» устройство общества.¹⁵ Справедливость же сводится к формальному равенству для «олухов». И здесь натура человека, личностное самосознание вступает в конфликт с теориями и благими пожеланиями «благодетелей человечества». Достоевский очень глубоко исследовал эту проблему в романе *Бесы*, показав новое пост-базаровское поколение революционеров.

А каково отношение героя к русскому народу? Когда Павел Петрович уверяет Базарова, что русский народ совсем не такой, каким нигилисты его себе воображают, тот соглашается. У Павла Петровича возникает естественный вопрос: *Стало быть вы идете против своего народа?* Базаров восклицает: *А хоть бы и так?* (49) И здесь можно увидеть еще одно слабое место нигилизма: на словах они отрицают – ради народа, на деле они отрицают и сам народ. Сам по себе он им не интересен, поскольку народ есть лишь материал для социальных экспериментов. *Вы говорите с ним, – констатирует Павел Петрович – и презираете его в то же время.* Базаров и не думает возражать: *Что ж, коли он заслуживает презрения!* (50) И народ платит ему тем же. Конечно, дворовые люди относятся к Базарову с большим доверием, чем к Павлу Петровичу, конечно, дед Базарова, как он об этом сообщает «с надменной гордостью», землю пахал, но... Тургенев не дал читателю возможности усомниться в истинном отношении народа к Базарову: *Увы! Презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров* (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), *этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового...* (173) И это еще одно поражение Базарова.

Характерно и отношение Базарова к социальной программе переустройства общества. По сути это анархическая программа. Когда Павел Петрович замечает, что ведь надо не только отрицать и разрушать, но и строить, Базаров произносит знаменитые слова: *Это уже не наше дело [...] Сперва нужно место расчистить* (49). И здесь ярко выявилась одна из важнейших черт нигилизма и революционного сознания бакунинского типа. На словах все революционеры думали и заботились о будущем, но как раз о будущем *строительстве* они не думают, оставляя это своим последователям, а поэтому происходит разрыв между разрушением и созиданием. Революционеры говорят о человечестве, а человека отрицают, общество для них – лишь стро-

¹⁵ В *Преступлении и наказании* в изложении Разумихина это идея звучит так: *У них (социалистов – В. Л.) не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится, наконец, в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути!* (Ф. М. Достоевский. т. 9. 73. – Курсив Достоевского.)

ительная площадка на нулевом цикле. Главное расчистить территорию и выкопать котлован. Позже это хорошо показал Андрей Платонов в известном романе. И надо сказать, что представления Базарова о человеке, о личности, об обществе, о социальных переменах и методах проведения ломки, – хорошо согласуются между собой. Это стройное мировоззрение. А в основе его лежит отрицание личности человека. Все остальное – только следствие.

Базаров терпит поражение и в частностях. Например, он отрицает «принципы», в том числе понятия о чести, достоинстве, но соглашается на дуэль с Павлом Петровичем. Здесь как бы сама жизнь опровергает выдуманные Базаровым убеждения. Оказалось, что можно отрицать принципы теоретически, но в житейской практике этим принципам приходится иногда подчиняться даже нигилисту. Конечно, в этом случае немалую роль сыграла гордость Базарова: вызов на дуэль он называет «комедией», но отказаться не может, поскольку уверен, что Павел Петрович его ударит. А при этой мысли у Базарова вся гордость так и поднялась на дыбы, он уверен, что придушил бы Павла Петровича, как котенка (142). И так почти на каждом шагу Базарову приходится отказываться от своих убеждений и от своего отрицательного направления.

Наиболее сложно разработана в романе проблема религии. Базаров отрицает веру, но ради родителей исполняет некоторые обряды. Когда они с Аркадием первый раз приезжают, Базаров соглашается встретиться со священником, служившим молебен по случаю приезда гостей. Позже уже в болезни он делает родителям довольно жестокое предложение испытать свою веру в Бога: *В вас религия сильна; вот вам случай поставить ее на пробу* (177).¹⁶ Через некоторое время Базаров, обращаясь к отцу, констатирует: *Ну, коли христианство не помогает, будь философом, стоиком, что ли!* (178) Позже Базаров не сразу, но соглашается на соборование и причастие, объясняя, что он не против, если это может «утешить» родителей (180). Наконец, финалом взаимоотношений Базарова с религией можно считать описание Тургеневым сцены соборования, когда Базаров был уже в беспамятстве: *Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на*

¹⁶ Это характерное искушение, которое предлагает человеку всякое сомнение, неверие или безбожие: поставь на пробу свою веру, пусть Бог сделает чудо ради тебя, и мы все уверуем в Него. Так сатана предлагал Христу броситься с крыши храма (Мф. 4:5–7), так позже фарисеи предлагали Христу ради этого сойти с креста (Мф. 27:41–42). В русской литературе художественный анализ этого и двух других искушений Христа блестяще проделал Достоевский в *Легенде о великом инквизиторе*. (Ф. М. Достоевский. т. 9. 320–322.) Этому искушению поддается Левин в *Анне Карениной*, когда лежит при смерти его брат Николай. (Л. Н. Толстой. *Собрание сочинений* в 22 т. М., 1978–1985. т. 9. 75.)

помертвелом лице (183–184).¹⁷ Какого происхождения был этот страх? Страх перед смертью? – (Увидев священника он понял, что умирает.) Или страх перед Богом? – (Грозная, неведомая, неумолимая сила, которую он отрицал всю жизнь, принимала его в свои объятия и провожала его на Страшный суд.) Или же это был страх последнего поражения? – (Он отрицал вечную жизнь и бессмертие, а они для него начиналась, и отрицать их было невозможно.)

4. Приближающаяся смерть заставила Базарова посмотреть на жизнь по-другому, заметить в ней такие сильные стороны, которые отрицать невозможно. Еще до заражения Базаров задумывается о смысле бытия человека в этом бесконечном пространстве и в вечности: *Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую удастся прожить, так ничтожна пред вечностью, где меня не было и не будет [...] А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже [...] Что за безобразие! Что за пустяки!.. Они вот, мои родители то есть, заняты и не беспокоятся о собственном ничтожестве [...] а я [...] я чувствую только скуку да злость* (119).¹⁸ Бесспорно, Базаров – фигура трагическая, о трагизме этого образа говорили многие критики и сам писатель.¹⁹ В этом монологе трагизм личного существования нигилиста проявился особенно ярко. Можно считать природу «мастер-

¹⁷ М. М. Дунаев считает эту сцену «великим художественным открытием» Тургенева. (См. М. М. Дунаев. *Вера в горниле сомнений*. М., 2002. 248.)

¹⁸ Комментаторы обнаружили, что эти размышления Базарова текстуально близки некоторым сентенциям Марка Аврелия и Мыслям Паскаля, которого Тургенев хорошо знал и неоднократно цитировал и в прозе и в письмах. (См. 464–465.) Правда, у католика Паскаля в такого рода размышлениях нет безысходности, свойственной Базарову. (См. Б. Н. Тарасов. *Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей*. М., 2004. 467–474. Ср. Hetesi I. 257–258.)

¹⁹ Некоторые исследователи видят в Базарове черты Дон Кихота. (См. Török E. *Orosz irodalom a XIX. században*. Вр., 1970. 110–111; Zöldhelyi Zs. *Turgenyev világa*. Вр., 1978. 164.) Вероятно, это связано с тем, что статью *Гамлет и Дон Кихот* Тургенев написал перед романом. Но как сам Тургенев характеризует Дон Кихота? Он пишет: «Что выражает собою Дон Кихот? Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину находящуюся *вне* отдельного человека...» (И. С. Тургенев. 1981. т. 5. 332. – Курсив Тургенева.) На Дон Кихота Базаров не походит по нескольким важным параметрам: во-первых, в нем нет веры в вечное, которое *вне* его, он представляет в романе *веру в себя*, во-вторых, Дон Кихот воюет с ветряными мельницами, а Базаров хочет «ломать» живых людей, в-третьих, Дон Кихот любит Дульцинею светлой платонической любовью, а Базаров Одинцову – тяжелым плотским влечением, наконец, Дон Кихот по-доброму смешон, а Базаров серьезен и, скорее, страшен. Тем более Базаров не подходит и на роль Гамлета, с которым ассоциируется скорее фигура Павла Петровича Кирсанова. Кстати, современники Тургенева были склонны видеть черты Дон Кихота в Инсарове из *Накануне*, а не в Базарове. Но все же, если выбирать из двух названных типов, то Базаров, конечно, ближе к Дон Кихоту, чем к Гамлету.

ской», отрицать бытие высшей силы, можно отрицать вечность и бесконечное пространство, но результатом такого отрицание неизбежно становится «самоломанность», скука и злость. Причем злость бессмысленная, безадресная и саморазрушительная. В этом главный трагизм нигилистского сознания.

Базаров полагает, что отрицать можно все, но «натывается» на смерть. И здесь он лично, его убеждения и теории, его нигилизм терпят самое сокрушительное поражение. В этом он признается сам: *Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!* (178) Происходит своеобразное «отрицание отрицания». Проповедуя нигилизм Базаров совсем не вспоминал о смерти, а ведь она – главная *нигилистка*, если человек отрицает Бога. Главный праздник в христианстве – это смерть и воскресение Сына Божия. И именно вера в воскресение придает великий смысл смерти, делает ее *рождением* для новой вечной жизни. Для Базарова же смерть – абсолютный конец, который обесмысливает и жизнь, и любую деятельность человека.²⁰ Размышления Базарова в предсмертном состоянии – это как бы признание своих поражений. Во-первых, Базаров говорит, что не учел такой «случайности», как ранняя смерть («попал под колесо»). Во-вторых, Базаров называет себя «червяком полураздавленным», а ведь думал, говорит он, что гигант и бог.²¹ В-третьих, он констатирует: *Я нужен России [...] Нет, видно не нужен* (183). И, наконец, пытаясь всерьез задуматься о смерти, Базаров видит, что у него ничего не получается: *Странно! хочу остановить мысль на смерти, и ничего не выходит. Вижу какое-то пятно [...] и больше ничего* (178). Христианское понимание смерти как перехода в вечную жизнь Базаров отрицает и пытается впервые в жизни постичь эту великую тайну рассудком. Естественно, что он терпит поражение. Единственное, что он решает, это *не вилять хвостом перед смертью* (183). А последние его предсмертные слова звучат так: *Теперь [...] темнота...* (183) Тургенев последователен, нанося заключительный штрих на фигуру Базарова.

Можно также говорить и о *косвенных* поражениях Базарова. Весь эпилог романа (XVIII глава) является фактическим опровержением дела Базарова. Базаров отрицает брак, а его любовь Одинцова в эпилоге выходит замуж, его ученик Аркадий женится, заключают брак Николай Петрович и да-

²⁰ Здесь можно вспомнить Льва Толстого, который в *Исповеди* и в других произведениях на разные лады повторял одну мысль: жизни надо придать такой смысл, который не уничтожится смертью.

²¹ Возможно, Тургенев отсылал читателя к знаменитой строке Державина из оды *Бог: Я царь – я раб – я червь – я бог*. (Г. Р. Державин. *Духовные оды*. М., 1993. 69.) Державин вкладывал в эту строчку христианский смысл: человек – бог по благодати, но не по существу. Обожение человека возможно лишь при вере в Бога. Но у Базарова – также, как позже у Кириллова из *Бесов* – смысл именованья себя богом носит антихристианский характер: этот «бог» хочет занять место Бога. *Если нет Бога, то я бог*, – говорит Кириллов в *Бесах*. (Ф. М. Достоевский. 1957. т. 7. 641.)

же его слуга Петр (первый упоминаемый по имени персонаж романа). Если же вспомнить, что Николай Петрович и Аркадий *венчаются в один день*, то, кажется, в конфликте отцов и детей поставлена точка: дети продолжают дело отцов. Впрочем, Базаров это не просто предчувствовал, а знал. Расставаясь с Аркадием он говорит ему: *А ты поскорее женись; да своим домом обзаведись, да наделай детей побольше...* (170)

Там же в эпилоге писатель сообщает и об учениках Базарова. Кукшина учится в Германии, она променяла естественные науки на архитектуру (чего Базаров не одобрил бы) и поражает всех бездействием и ленью (187). А главным продолжателем «дела» Базарова становится «готовящийся стать великим» Ситников, которого Базаров называл олухом и которого ни во что не ставил.²² Рядом с ним толкутся несколько химиков, которые не могут отличить «кислород от азота», однако все они исполнены «отрицания и самоуважения» (187). Писатель говорит об этих «последователях» героя с нескрываемой иронией.

А как можно понять финал романа, который вызвал множество нареканий? Отметим, что на могиле Базарова растут *цветы*, а не *лопух*. Его могилу не топчут животные, и над ней поют птицы. Возле могилы растут вечнозеленые ели. Наконец, на его могилу часто приходят престарелые родители, плачут и молятся об упокоении души своего сына. *Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая преданная любовь не всесильна?* – задает риторический вопрос Тургенев. И сам же отвечает: *О нет!* Как известно, Тургенев считал, что лучше других его роман поняли Достоевский и Боткин.²³ В *Зимних заметках о летних впечатлениях* Достоевский назвал Базарова «беспокойным и тоскующим», добавив, что это «признак великого сердца».²⁴ Тургеневу понравилось это замечание, вероятно, потому, что он

²² Это тот Ситников, который утверждал, что именно Базарову он обязан своим перерождением: *Когда при мне Евгений Васильевич в первый раз сказал, что не должно признавать авторитетов, я почувствовал такой восторг [...] словно прозрел!* (Там же. 61.) Павел Петрович поставил точный диагноз этой болезни: *Прежде молодым людям приходилось учиться; не хотелось им прослыть за невежд [...] А теперь им стоит сказать: все на свете вздор! – и дело в шляпе [...] Прежде они просто были болваны, а теперь они вдруг стали нигилисты.* (Там же. 52.) Позже, уже в XX веке, Солженицын назвал это живучее явление «образованщиной».

²³ И. С. Тургенев. т. 7. 428.

²⁴ Ф. М. Достоевский. 1956. т. 4. 79. Через несколько лет в романе *Бесы* Достоевский устами Степана Трофимовича высказался по-другому: «Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном, *c'est le mot!* Посмотрите на них внимательно: они кувыркаются и визжат от радости как щенки на солнце, они счастливы, они победители! Какой тут Байрон!.. И при том какие будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбия, какая пошленькая жаждишка *faire du bruit autour de son nom*, не замечая, что *son nom*... О, карикатура! Помилуй, кричу ему (Петру Верховенскому – В. Л.), да неужто ты себя такого как есть людям взамен Христа предложить

сам в финале указал на эту черту Базарова (*какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, 188*). И именно это бунтовавшее, но не равнодушное сердце является залогом того, что молитвы родителей будут услышаны,²⁵ ведь цветы на могиле бунтаря говорят *о вечном примирении и о жизни бесконечной (188)*. Базаров утверждал, что *природа не храм, а мастерская (43)*, но в финале романа «неравнодушная» природа предстает у Тургенева именно как один величественный храм над могилой героя.

желаешь? *Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop*). (Там же. т. 7. 227–228.) Здесь Достоевский говорит о новом поколении революционеров-бесов, для которых трагичный Базаров – пройденный этап. На что обращает внимание Степан Трофимович, сравнивая Базарова и своего сына, т. е. фактически два разных поколения революционеров? Базаров – смесь Ноздрева с Байроном, а в новых нигилистах остался один Ноздрев. У Базарова сильно развито самолюбие, а у них – лишь «кухарочная раздражительность самолюбия». У Базарова – жажда переделать человека, перестроить общество, а у новых революционеров – «жаждишка» славы. Базаров – тип, они – карикатура на него. Базаров отрицал Бога открыто и прямо, у них – другая тактика: они предлагают себя вместо Христа, «человекобоги» предлагают себя вместо Богочеловека. Но ведь это, согласно всем пророчествам, будет делать антихрист в конце времен (по смыслу приставки «анти» – не «против», а «вместо»).

²⁵ Тургенев высказывает здесь общее для православных и католиков мнение о силе и ответственности молитв (особенно родительских) за усопших, поскольку эти молитвы могут изменить их загробную участь. Поминовение совершается ежедневно в утренних и вечерних молитвах, а для общественного поминовения усопших Церковью назначены особые дни в году. (См. *Пространный христианский катехизис православной кафедральной восточной церкви*. М., 1909. 19–20). Поэтому Тургенев с уверенностью говорит, что молитвы родителей Базарова не бесплодны.